

Лит. Россия, 1986, Сентябрь

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

В эти дни известному советскому писателю Василию Ардаматскому исполняется 75 лет. Имя этого прозаика давно и хорошо известно читателям. Романы и повести «Возмездие», «Сагуэн почти не виден», «Рай-центр», «Суд», «Последний год», «Звезды в полдень», «Опасный маршрут» принесли ему широкую и прочную популярность. Выполняет он и большую общественную работу, являясь заместителем председателя Центрального правления Всесоюзного общества любителей книги.

В одном из последних произведений — «невидуманной повести» «Туристская поездка в Англию» — В. Ардаматский рассказывает о так называемых невозвращенцах, о подрывной деятельности против нашей страны разведок США и Англии, различных зарубежных антисоветских организаций.

Центральный персонаж повести — Игорь Никольский, бесталанный киносценарист, не случайно оказался на Западе. Писатель показывает почву, на которой выросло такое решение Никольского. Жажда денег, славы, признания гениальности (на деле, увы, не существующей) — все это было замечено в Никольском агентами иностранных спецслужб и искусно ими подогревалось.

Любопытна характеристика, которую дает своему «подопечному» один из агентов английской разведки:

«Никольский Игорь, третьеразрядный сценарист, один советский кинорежиссер сказал мне, что он такого вообще не знает. Его собственный режиссер, с которым они делали кинофильм, относится к нему явно иронически... Пустословный

Василий АРДАМАТСКИЙ.

человек, без ощутимых принципов, но с ясно выраженной тягой к комфортному времяпрепровождению, в это время он из всех сил играет роль человека значительного и даже способного на смелые суждения... Общался с ним дважды в Москве с перерывом в три года и в данной характеристике убежден абсолютно... Мак Гренал...»

Собственно падение Никольского как личности началось задолго до его «туристской поездки» в Лондон. Писатель вскрывает паразитическую сущность своего центрального персонажа: беззаботная жизнь на деньги отчима, выгодная (с точки зрения материальной обеспеченности) женитьба на дочери изве-

стного художника, легкий заработок... И оно, это падение, уже не могло прекратиться. Представители английской спецслужбы предложили Никольскому (устроившемуся под «официальной крышей») написать книгу антисоветского содержания. Но...

«Никольский попробовал писать, но у него явно не получалось. Тогда Финн (представленный к непризнанному гению местный борзописец. — П. Т.) начал динтовать. Но и записывал Никольский медленно.

— Придется дело ускорить, — раздраженно сказал Финн и, придвинув к себе пишущую машинку, стал печатать сам. Никольский праздно сидел рядом. Глянув на него, Финн рассмеялся:

— Хорошо иметь негра? Зато я могу свидетельствовать, что негром быть глупо... Но хочу вас предупредить, что всегда обеспечивать вас неграми наша служба не будет.

Никольский молчал, подавляя бессильную злость, которая была тем сильнее, что он видел и понимал — книжку за него фантически пишет Финн. Но на кого ему было злиться, если на себя он злиться не умел?

Обучение подлости продолжалось, и у Никольского много выхода не было, как демонстрировать послушное прилежание в постижении этой науки...»

Курс «обучения» Никольского подлости продолжат американские руководители радиостанции «Свобода» в Мюнхене, куда его сплавят английские хозяева.

«— Ну вот, — на ходу говорил Рони, — ты узнал почти главного нашего начальника, но начальства тут вообще-то до черта, почти все американцы и все донтора. Главное, в чем тут тебе надо разобраться, — от какой службы какой начальник. Каждый второй — от американской разведки. И этот Роллинз тоже оттуда... Эти мистеры с железной хваткой. Для них эта служба тоже разведка. Наш ис-

следовательский отдел Целиком под их опекой, помни об этом всегда, надо стараться изо всех сил».

И он старался. Последней ступенью падения «непризнанного гения» стало его выступление по радио, якобы разоблачавшее «беспринципность» его давнего товарища — режиссера Дмитрия Латунцева, с которым они когда-то вместе поставили фильм. Это был пик его «карьеры». А дальше, как и предвещал один из сослуживцев, Никольского ждала «помойка». Впрочем, не его одного. Не помогут тут ни подкаски Окейчика — прислужника, ЦРУ, старого знакомого по уже прошлой, московской жизни, ни советы Чирьева, яростно ненавидящего все советское, ни решительный шаг Рони, порвавшего с «нечистыми» из «Ноева ковчега» и вернувшегося на Родину.

Чувствуя свою ненужность в мире «равных возможностей», одиночество и тоску, Никольский быстро опускается в омут пьянства и в конце концов погибает под колесами автомобиля.

Заканчивается «невидуманная история» так: «Где могила Никольского, кто знает?

Да и кого это может интересовать?..»

Автор, рисуя образ главного персонажа, наделяет точными, зримыми чертами и его окружение. «Никита, сделанный в Канаде» (он же агент английской разведки Мак Гренал), «гид» Иконник, капитан Гю, энтузиаст Трошин — всем им, как и другим героям, «писатель «врочает» строго индивидуальные речевые характеристики, психологически обосновывает каждый их поступок, каждое действие. Это придает достоверность повествованию, при всей незамысловатости сюжета заставляет читать произведение с интересом.

Образ Никольского в чем-то перекликается с образом белоэмигранта Дружиловского —

главного героя романа «Дорога бесчестия». То же услужение продажным пером врагам Советской страны — следствие беспринципности, та же, не имеющая под собой реальной почвы жажда славы и денег. И то же одиночество. Но бывший подпоручик и существенно отличается от своего позднего «собрата»: он куда опаснее Никольского, энергичнее, изобретательнее. Есть и еще одно отличие. Если Никольского манили на Запад перспективы скорого осуществления своих «гениальных» литературных замыслов, то у Дружиловского таких не имело. Золотой телец — его идол, страсть. Правда, была у него еще одна страстишка, жажда — «делать историю» И ради своей цели он был готов на все. Не задумываясь, переходил от «хозяина» к «хозяину», из рук одной капиталистической разведки в руки другой.

В. Ардаматский прослеживает во многих подробностях путь клеветника, автора многих фальшивок, с помощью которых в начале 20-х годов реакционные силы буржуазных стран Европы расправлялись с коммунистическими партиями, передовым рабочим движением.

И все-таки довольно высоко взлетевшего Дружиловского — и автор это убедительно показывает — ждал закономерный бесславный конец: советское правосудие воздало преступнику по заслугам.

Крушения было неминуемо. Потому что в душе раба ленин и «делателя истории» царил пустота. А, как известно, природа пустоты не терпит...

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ